

Юрий ЛЕВАДА

ЛЮДИ И СИМВОЛЫ Символические структуры в общественном мнении. Заметки для размышления

Названная тема довольно сложна и многообразна. В данном случае представляется возможным лишь наметить определенные контуры для обсуждения и дальнейшей разработки.

Как известно, в изучении общественного мнения наибольшие трудности, но и наибольший интерес, доставляет интерпретация получаемых в ходе опросов данных. В массах показателей с трудом различимы непосредственные эмоции, отголоски стереотипов массмедиа, привычные словесные формулы, демонстративные структуры и т.д. От возможностей анализа этого разнообразного "материала" зависит понимание устойчивости, трансформаций, направленности феноменов общественного мнения и той социальной реальности, с которой они связаны.

Общественное мнение непосредственно оперирует не с "вещами" и явлениями социальной жизни, а с представляющими их знаками или символами. (В семиотических исследованиях символ обычно трактуется как "знак знака", вторичная, более обобщенная и специализированная знаковая структура.) Для того чтобы подойти к рассмотрению символических структур, специфичных для общественного мнения, придется затронуть некоторые проблемы их функционирования в общественных системах, в социальном действии.

Символом может служить объект (предмет, действие, явление, текст, изображение и пр.), если и поскольку он обозначает (замещает, представляет) для какой-то системы социальной коммуникации — в интересующем нас случае для общественного мнения — какой-то другой объект, явление и т.д. Современные антропологи, отчасти корректируя известную формулу Б.Франклина (toolmaking animal), утверждают, что человек по своей природе — это symbolmaking animal, т.е. животное, не только "производящее орудия труда", но и "производящее символы", умеющее их использовать. Ни в какой системе социального общения (коммуникативной системе) не могут люди жить, не используя принятых в данном обществе, группе, социальной среде символических "указателей" допустимого и запретного, своего и чужого и пр. Для собственных, личных, семейных надобностей человек может создавать и свои символы (или придавать значения символов каким-то действиям, предметам), действующие в соответствующих пределах.

Трудно назвать человеческое действие, которое, помимо утилитарного значения, не имело бы значения символического, не обозначало бы уровень социальных притязаний, не служило бы демонстрацией статуса и пр. Это относится даже к действиям в таких "естественных" ситуациях, как принятие пищи, ношение одежды, уборка жилища, обращение с детьми, работа, общение и т.д. Существует обширный набор действий, которые имеют преимущественно или исключительно символическое значение (например, бытовой этикет или официальный протокол; в таких действиях важно соблюдение определенной процедуры). Проблема перехода от "содержательного" символа к "пустому" инте-

ресна для понимания процессов символических трансформаций, о которых речь пойдет позже.

В человеческом обществе ни один предмет, ни одно действие, в том числе эмоциональное, словесное, не существует вне целого набора своих значений. Символ можно, видимо, представить как значение, утратившее связь со своим предметом, "оторвавшееся" от него. Символы могут быть "материальными" (вещь, предмет), понятийными, словесными, изобразительными, звуковыми.

Ранее приходилось писать о том, что общественное мнение конструируется из стереотипов и комплексов*. Говоря о символах, мы как бы рассматриваем эти явления с другой стороны — со стороны их значений. В символических структурах можно усматривать краткое ("архивированное" или упрощенное) представление какой-то сложной знаковой структуры, текста. Но символ может представлять и отдельные элементы сложной структуры — ключевые слова, лозунги, иногда выраженные в изображениях, жестах, мелодиях. Символы упрощают реальность, избавляют человека от необходимости самостоятельно в ней разбираться, поэтому служат инструментами "автоматизации" социальных действий. Только так можно привести в действие сложные цепи межчеловеческих взаимодействий, которые не способны переработать никакое индивидуальное сознание, тем более за время перехода к необходимому действию. Огромное большинство повседневных и массовых акций "запускается" с помощью триггерных символических структур.

Работая с материалами общественного мнения, приходилось отмечать, что глубина или объем памяти этой коммуникативной структуры весьма ограничен. Никакая теория, идеологическая или религиозная система в ней не могут уместиться, поэтому общественное мнение оперирует с приметными символами таких систем. Подобная роль символов иногда вырабатывается долгим историческим опытом, иногда приписывается им искусственно. Во время прошлых выборов в Государственную Думу названию каждой партии соответствовал специальный значок (явное заимствование из политической практики малограмотных стран), если это для кого-то и имело смысл в ходе голосования, то забылось на следующий же день.

Символы в некотором приближении можно сравнить с видимой вершиной айсберга (или с буйком, обозначающим какой-то подводный предмет). С помощью такого сравнения проще уяснить, что непосредственной связи, в том числе и причинно-следственной, между отдельными символами не существует. Этим, кстати, объясняются многие видимые парадоксы общественного мнения. Необъяснимые переходы от доверия к недоверию или, наоборот, поддержка политики, которая недавно отвергалась, и другие пертурбации в наблюдаемых данных могут быть показателями изменений, которые коренятся на других уровнях.

Символическое действие. Символ и ритуал. Символическую природу имеют социальные действия самого разного вида, если и поскольку их смысл состоит в том, чтобы обозначать, указывать, представлять какое-то иное действие, отношение и т.п. Это значит, что в качестве символов может выступать не только любой "предмет", но в Принципе и любая акция. Тем самым последняя не лишается своего утилитарного или экспрессивного значения.

* Левада Ю.А. От Мнений к пониманию. М.: МШПИ, 2000. С. 216-249.

В производстве, в семейной, политической, культурной и других жизненных ситуациях человек не только добивается определенных "материальных" результатов, но утверждает **себя** в отношениях с другими, обозначает свой статус, свою приверженность одним символическим структурам и отмежевание от других. Опять-таки практика изучения данных опросов показывает, как трудно бывает отличить, насколько, допустим, намерение голосовать за определенного кандидата отражает поддержку линии, проводимой данным конкретным деятелем, или символизирует приверженность электората к привычным лозунгам, именам, отвержение других и пр.

"Чисто" символическое действие, лишенное иных (утилитарных, экспрессивных) значений, именуется обычно ритуальным или церемониальным. Эти термины не вполне идентичны. За ритуалами исторически стоят обряды, т.е. действия, принадлежащие определенному культу, обращенные к сакральным ценностям. В современных условиях ритуалы **часто** носят сугубо светский "гражданский", "официальный" и пр. характер, лишь элементами своих процедур напоминающий о своем сакральном происхождении (ритуалы, знаменующие рождение, смерть, память, статусные перемены). Церемониал же, скорее всего, священного происхождения не имеет, а искусственно создается для обозначения каких-то явлений, которым придается важное значение в государственных структурах (приемы, приветствия, парады и т.д.) или в специализированных группах (военных, молодежных). Та же электоральная процедура может рассматриваться как церемониальная, по-видимому, для значительной части наших граждан со времен советских безальтернативных выборов, она и является **таковой**, т.е. набором привычных действий, создающих видимость причастности к общественной жизни.

Особый тип символов, в том числе и символических действий, традиционно представлен в сферах искусств: **изобразительных**, драматических, музыкальных. Символы выступают там элементами специфического, игрового действия, отгороженного, по крайней мере символически, от "реальной" жизни. В современной, условно говоря постмодернистской, реальности символические границы нередко оказываются размытыми. В результате на политической сцене широко используются театральные приемы вплоть до фарса и клоунады — примеры хорошо известны в практике нашей Государственной Думы. Параллельно пассивное соучастие в политических акциях приобретает черты, характерные для зрительского соучастия ("зрительской игры"), современных эстрадных или спортивных **акций** (И конечно, интригующее многих зрелище "реальной жизни" за стеклянными барьерами в нашумевшем телешоу — своего рода спектакль для зрителей, а также для участников.)

Стоит заметить, что характеристика символического действия как "игрового" отнюдь не лишает его серьезности, значения, которое может быть и трагическим; речь идет только об определенной конструкции, структуре действия, способах его восприятия. И точно так же отнесение какого-либо действия к "чисто символическому" не лишает его социального значения. Но означает такое действие не то, что записано на его "**вывеске**", а что-то иное. Так, "чисто" церемониальное приветствие означает соблюдение некоей нормы отношений, приличия, протокола; обычно демонстративное значение имеет несоблюдение такой нормы.

Миф и ритуал. Существует давняя дискуссия между различными школами социальной антропологии относительно исторической первичности "идеологических" (мифических) или "ритуальных" (обрядовых) действий в древнейших культурах. Согласно одним исследователям, ритуал — это как бы театрализованный миф, согласно другим, миф — это своего рода развернутое описание ритуальных процедур и отношений. В трактовке Э.Дюркгей-

ма и его школы именно ритуальное действие, сакрализованное отношение человека к обществу как высшей реальности, служит основой социальных связей. Причем священные ритуалы культов в современном обществе заменяются светскими, политическими.

Наиболее существенной для изучения символических действий является социальное значение священных и светских ритуалов.

Для русского православия издавна было характерно "обрядовое", т.е. установка на обрядовую сторону культа как основу его массового воздействия при относительном невнимании к идейной (богословской, теоретической) стороне. Защитники официального православия ссылались на византийскую традицию, в которой обрядам, убранству и самой архитектуре храмов придавалось решающее значение для сохранения устоев веры. Эти давние споры позволяют иллюстрировать вполне современную и вполне социологическую (равно как и социально-психологическую) проблему коллективного ритуального воздействия на человека. Многочисленные исследования показывают, сколь большое влияние на отдельного человека может оказывать непосредственно контактная (коллективно-психологическая) группа, особенно в ситуации массового направленного возбуждения, как это обычно бывает в традиционных ритуалах. Именно этот прием с большим или меньшим эффектом воспроизводят и светские, политические, групповые ритуалы.

Имеются основания полагать, что традицию "обрядового" восприняли и довольно эффективно использовали большевики после утверждения своего господства и особенно после преодоления собственного утопического наследия. Чем меньшую роль в политике играли идейные установки правящей верхушки по сравнению с прагматическими ориентациями на державное величие, тем большее значение придавалось символической и обрядовой стороне властвования. Коллективные акции всевозможных "массовок", демонстраций, собраний и съездов на разных уровнях превращались в символические церемонии. Примечательно, что партийно-политические ритуалы действовали не в мифологической (или идеологической) системе, а в реальной системе власти, господства, подкрепляемой карательными мерами. Важнейшую роль в системе политического ритуализма играл, разумеется, культ непогрешимого вождя, в периоды угасания системы подмененный культом памяти бывшего лидера или апелляцией к "мудрой партии".

Возможно, нуждается в пояснении такое понятие, как социальный или социально-политический миф. В обиходном (светском, конечно) и публицистическом словоупотреблении, кстати, с "подачи" примитивного богоборчества, мифом именуется всякое ложное утверждение, неверная информация, несостоятельная гипотеза или теория и т.п. Никакого отношения к пониманию или преодолению социальной мифологии такие приемы не имеют. Социальные мифы — это теоретические (идеологические, утопические в терминологии К.Маннгейма) конструкции, воспроизводящие на светском и современном материалах структуру и некоторые функции первоначальных, культовых образов. Дело не в том имеются или нет в социальном мифе какие-то "правильные" или "неправильные" компоненты, а в том — как, какую конструкцию они образуют и как используются. Образцы мифологических конструкций, или типов, немногочисленны, все они давно описаны антропологами — это мифы о сотворении, грехопадении, спасении, искупительной жертве, равенстве и неравенстве, об избранных народах, о героях и подвижниках и пр. В любых вариантах светской мифологии эти древние образцы воспроизводятся на современном материале, следы такой модернизации обнаруживаются в различных идеологиях, от либеральных до социалистических и националистических. И в любых вариантах

социальная мифология, возможно, и независимо от воли своих сторонников, превращается в предмет веры, в символическую структуру, которую можно принимать или отвергать, но которая не подлежит рациональному суду. Исследование мифологии или идеологии возможно только извне, с позиций объективной науки.

Символические конструкции как "материал" общественного мнения. На том уровне коммуникативных систем общества, который выявляется в массовых опросах (иногда он именуется "массовым сознанием", "обыденным сознанием", "публичным сознанием" — public mind), исследователи имеют дело скорее с "массовыми" (массово-значимыми) символами оценок, переживаний, установок, чем непосредственно с самими этими явлениями. Причем с символами, так сказать стандартизованными, соответствующими действующим эталонам-стереотипам. На массовое восприятие действуют раздражающие, тревожащие, восторгающие и прочие символы событий, а не сами эти события (причислим к ним и события идейного плана). Сложные идеологические конструкции действуют на общественное мнение только через свои символические выражения — лозунги, лица, обозначения и т.п. Современная технологическая политическая пропаганда (PR), в отличие от своих предшественников начала и середины XX в., стремившихся "нести в массы" свои программы и концепции, умеет достаточно цинично использовать это обстоятельство и не только не смущается вульгарностью массового восприятия любого идеологического материала, но именно на такое восприятие и ориентируется.

Иногда, впрочем, в роли символических "раздражителей" оказываются символы иного порядка, как бы "вторые производные" от символических феноменов, например, в недавних ситуациях массового обсуждения государственной символики России.

Предельная простота символических структур, воспринимаемых и воспроизводимых в общественном мнении (разумеется, не имеющей никакого отношения к туманной многозначности эстетических феноменов эпохи символизма) — одно из условий их феноменальной стабильности. Как известно из исследовательской практики, общественное мнение, по крайней мере, в конкретных вопросах, в элементарно символическом представлении, в основном работает по принципу простейшей контактной схемы "да—нет" ("одобрение—осуждение" и т.п.), средние варианты ответов чаще всего означают уклонение от выбора. Только при сопоставлении ряда ответов, особенно в некоторой динамике, становится заметна более основательная неуверенность общественного мнения (принцип "да, но..." — "нет, но...").

С этой элементарностью символического представления, как можно полагать, связана и "непротиворечивость" общественного мнения, т.е. наличие в нем взаимоисключающих суждений, не вступающих в противоречие друг с другом.

Функции символических структур. В принципе символические образования действуют во всех сферах человеческой жизни и поэтому могут представлять самые разнообразные ее компоненты, но в упрощенном, "архивированном" виде.

Первейшей из функций символов, вероятно, можно считать обозначение принадлежности в смысле разделения на "своих" и "чужих". Далее стоит отметить функцию определения статуса в социальной иерархии (высшие—низшие), профессиональной группы, ориентиров (целей, рамок, норм) деятельности, авторитетов (моральных, должностных, сакральных).

Символами принадлежности прежде всего являются категории, или понятийный аппарат, обозначающий восприятие человеком социальной реальности как разделенной на "свое и чужое", "наше и не-наше" и т.д. Социальные "напол-

нители" такого фундаментального разделения могут быть семейными, клановыми, классовыми, государственными, конфессиональными и пр. (одна из модных сегодня тем — "цивилизационные" разделения). Характером разделительных линий определяются рамки идентификации с соответствующей "половиной" и отчуждения от другой "половины". А затем (логически, не исторически) выступают на сцену традиционные или специально сконструированные символические "значки" принадлежности — термины, слоганы, эмблемы, официальные или конспиративные. Конечно, первоначальные разграничения, чем бы они ни были вызваны, обозначались лишь такими примитивными и фундаментальными барьерами, как табу, развернутые обоснования появились значительно позднее.

Категории и "значки" принадлежности, как известно, проходят проверку в катастрофических обстоятельствах. Критическая ситуация, возникшая после чудовищных актов террора 11 сентября 2001 г. в США, ставит (точнее, обостряет) заново чуть ли не все основные проблемы сближений и разграничений, или конвергенции и дивергенций, в мировом масштабе. На экранной поверхности последних месяцев — противостояние символов: звездно-полосатого американского флага (на улицах США, на лавках пиджачков) и портретов Усамы бен Ладена (на бурных мусульманских митингах). Основные проблемы возникают, конечно, на иных уровнях, главная из них — какого типа разграничения обозначены в таком противостоянии? Пока не предложено убедительных объяснений происходящему, их роль исполняют отсылки к понятийным символам (заговорам против современной цивилизации, столкновениям непримиримых цивилизаций, "просто" преступных заговоров и пр., впрочем, предложенный набор не слишком велик).

По-видимому, значение символических средств принадлежности особенно велико, когда сама принадлежность к определенной общности является проблемой. В какой-то мере этим объясняется большая и довольно успешная роль символов в утверждении национального единства разнородного американского общества. Попытки же символического закрепления советской общности (например, с помощью таких понятийных форм, как "мы советские люди", а также значков, флажков, портретов) в конечном счете оказались безуспешными. Должно быть, в одном случае происходили процессы сближения социальных и этнических групп (вынужденные, трудные и противоречивые), в другом — процессы разъединения и взаимного отчуждения (под общим "колпаком" принудительной однородности). К этому добавляется другой, сугубо исторический фактор — характерная для американцев, молодой нации, привычка "играть" в собственную историю с помощью символизированных фигур, событий, флагов и пр.

Исключительное значение символов принадлежности присуще обычно специализированным, искусственно сконструированным, социальным общностям — военным и т.п., которым подражают молодежные группировки. Современная всеобщая мода на камуфляж как символ "окопной" суровости, которая пришла через несколько этапов на смену блеску эполет и звону шпор, играет в принципе такую же роль.

Другая ось символизации социальных явлений — *временная*. Подобно тому, как индивидуальная человеческая память размечает собственную жизнь знаменательными событиями, социальная массовая память, как официальная, так и неофициальная, в истории выделяет моменты чрезвычайной важности или приписывает им такое значение. Чаще всего это "первоначальные" события ("начало" истории страны, народа, государства, политического строя) и связанные с ними судьбоносные победы или поражения, героические подвиги и т.д. Реальность или фантастичность событий и персонажей исторической мифологии не имеет значения.

В российской исторической мифологии роль первоначальных символов играли легенды о призвании варягов, об Иване Сусанине, в советской — о "штурме" Зимнего дворца и пр. Зарубежные аналоги таких первоначальных событий — от легенды о Ромуле и Реме до символизированных событий 4 июля в США, 14 июля во Франции и т.д. В современной же России начало исторических координат отсутствует. Не признавая старых, царских, советских, "первоначальных" символов, страна не получила никаких новых (маловероятно, что таковыми станут считать инаугурацию очередного президента). Примечательно, что в августе 2001 г. из всех государств бывшего Союза только в России никак официально не отмечалось десятилетие событий 1991 г. Бесславный провал переворота ГКЧП, означавший конец партийно-советской системы, не стал ни государственным, ни народным праздником. По данным опроса (июль 2001 г.), 45% видят в этом событии просто эпизод борьбы за власть в высшем руководстве страны, еще 25% — трагическое событие и только 10% — победу демократической революции... Между тем отсутствие признанного "начала" — тоже важный символ, означающий неопределенность, неустойчивость, неясность перспектив нынешнего режима.

Еще одна ось символического самоопределения общества *пространственная*, имеющая особенное значение для российского существования и самосознания во все времена. Отечественная мифология "бескрайних" просторов и "неисчерпаемых" природных богатств постоянно выступала естественным символом величия страны, закреплена в бесчисленных текстах, от официозных до иронических ("страна у нас большая, порядку только нет", "от моря и до моря, от края и до края...", "широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек" и т.п. до последнего произведения С.Михалкова включительно). Символика богатств, не требующих усилий для своего создания, очевидно, внесла свою лепту в оправдание экстенсивной экономики, живущей за счет естественных ресурсов и неспособной освоить обширные территории на востоке и севере. Но пространственный фактор в отечественной истории и мифологии имеет, как известно, и другое измерение — геополитическое или межцивилизационное. Превращение этого исторического обстоятельства в символ "предназначения" России, которым занимаются многие отечественные и зарубежные теоретики и которое в общественном мнении и политических дебатах выражается в принятии "особого пути" страны, означает всего лишь стремление оправдать собственную отсталость и пассивность.

Символизация и ее уровни. Сравним три формулы обиходного словоупотребления: 1) некоторое явление (событие, произведение, действие) "стало символом"; 2) какое-то явление осталось "только символом"; 3) что-то "перестало быть символом". В первом случае имеется в виду повышение значения частного, локального явления до уровня общезначимого, важного. Такую трансформацию можно считать символизацией. Во втором случае явление, обозначенное *символом*, утрачивает свое "реальное" (внесимволическое) содержание, происходит как бы опустошение символа. Но если символ утрачивает "предметное" значение, он не обязательно лишается всякого смысла, может стать архивным объектом, предметом исторической памяти, эстетического восприятия, культуры и пр., как, например, изображения богов и героев давних времен. В третьем случае явление, предмет лишаются символического значения, сохранив утилитарное. Так, символами индустриального развития когда-то считались трактор, автомобиль, самолет, символом престижа — собственный автомобиль и т.п. Сейчас это скорее символы того времени, когда подобные предметы считались символами.

Подобные "дефинитивные" проблемы нередко, особенно в эпохи незавершенных переходов, приобретают весьма актуальное, даже эмоционально насыщенное значение. Пример — напряженная полемика последних лет о символах и памятниках советского периода, причем преимущественно о восстановлении таковых на прежних местах.

К символическим трансформациям можно отнести также *сакрализацию* и десакрализацию символов. Значение священных или сакральных в социальной, политической, культурной сферах, т.е. в мире светских, нерелигиозных отношений, приобретает символы исключительной важности, неприкасаемые, далеко вынесенные за пределы каких бы то ни было сомнений и критики. Идеологизированный, по крайней мере, в своих собственных определениях советский строй всегда нуждался в сакрализованных идеологических источниках, к которым, кроме признанных классическими авторитетов, причисляли политически одобряемых писателей, исторические персонажи и др. Сомнения в непогрешимости авторитетов из такого списка не допускались, если, впрочем, это не считала нужным высшая власть как главный реальный носитель непогрешимого авторитета в обществе. А потому после падения этого последнего возникла ситуация, когда рациональная критика бывших сакральных символов оказалась допустимой, но как будто утратившей смысл. Памятники оказалось проще сломать, чем переоценить, превратив их из священных символов в исторические. И точно так же священные еще вчера имена, события, произведения было проще осмеять и забыть, чем переоценить, превратить в предмет изучения их содержание и влияние. Результат оказался ненадежным или даже *двусмысленным*. Изгнанные со священного пьедестала авторитеты сохранили свое влияние (по крайней мере, символическое) на значительную часть населения. По опросным данным, большинство российских граждан после десяти лет шумной борьбы с символами прошлого позитивно оценивает деятельность *В.Ленина* и октябрьскую революцию 1917 г.

Правда, интерес и положительные оценки бывших авторитетов не означают возвращения им сакрально-символического значения. Не имеют шансов приобрести его и нынешние политические деятели даже при высоком уровне общественного доверия. Изменились, по всей видимости, необратимо, возможности сакрализации социального пространства. Между прочим, это связано с видимым возрождением церковности. В свое время советские власти вели яростную борьбу с церковью как носителем конкурентного сакрального авторитета, стремясь утвердить собственную монополию на высшие ценности. Происходившее с конца 80-х годов признание церкви государством фактически означало отказ государства от претензий на такую монополию, а тем самым и от притязаний на сакральность своих устоев.

После падения священных символов и авторитетов советской эпохи, а вместе с ними и мифологии "трудовых подвигов", десакрализации революционного переворота и т.д., единственным средоточием сакральных символов и мифов оказалась великая война 1941-1945 гг. Песенная формула "священная война", появившаяся в первые дни боев, приобрела затем вполне серьезный, отнюдь не метафорический смысл. И в сталинские, и в брежневские годы не допускались малейшие сомнения в правильности предвоенной политики, в официальных данных о потерях, в мифах о героях и подвигах, сочиненных или раздутых пропагандой и т.д. Сейчас официальных запретов на такие темы нет, но существует сильнейшее "табу" общественного мнения, не желающего расставаться с последним символом исторического величия*.

* См.: *Гудков Л.* Победа в войне: К социологии одного национального символа // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1997. № 5.

Война за символы и "символические войны". Символические моменты всегда играли заметную роль в конфликтах и войнах различного масштаба. Иногда они исполняли роль триггерного (спускового) механизма, как, например, выстрел Гаврилы Принципа перед Первой мировой, иногда — символического прикрытия или даже оправдания конфликта (войны "за престиж" — англо-аргентинская за Фолклендские острова или советско-китайская за остров Даманский), средства психологической мобилизации (например, с помощью стандартного лозунга Первой мировой "за Бога, царя и отечество", превращенного в следующей войне в "за Родину, за Сталина").

Значительную роль в самых реальных и самых тяжелых военных действиях могла иметь ориентация на символически важные объекты (как в защите, так и в ударе). Ожесточенная и жертвенная оборона Сталинграда, несомненно, была связана с названием города. Такие акции последних дней войны, как "штурм Берлина" или "штурм рейхстага" получали, помимо военного и политического, еще и символический смысл удара по "логову врага", как тогда говорили.

Кстати, все пароксизмы "идеологической борьбы", которыми исполнена история советской системы и близких к ней структур в Китае и др., были не теоретическими спорами, а жестокой, нередко смертельной схваткой вокруг "одобряемых" и "отвергаемых" символов господства.

Наконец, очевидно, что символическое значение имел удар террористов-камикадзе по Всемирному торговому центру в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. — символу престижа страны и мирового рынка. Возможно, организаторы этой акции полагали, что удары по экономическим или военным объектам были бы не столь болезненными для американского общества и мирового цивилизованного сообщества в целом.

Символические переходы: некоторые примеры. Позволительно сопоставить некоторые символические переходы, совершенно различные по масштабу и значению, но сходные по механизму осуществления.

Сейчас мало кто помнит, что где-то в конце 20-х годов, в разгар очередной антицерковной кампании, советскими властями была официально запрещена новогодняя елка как "кулацкий праздник". Но спустя несколько лет, в 1936 г., в политбюро решили запрет отменить и традиционный праздник советизировать, нагрузив его соответствующей символикой (звезды, эмблемы и пр.). Праздник немедленно стал всеобщим и, как известно по опросам, сейчас остается самым распространенным. Произошло что-то вроде "воскрешения похороненного", но не утратившего привлекательности символа, правда, вполне десакрализованного, лишенного связи с Рождеством Христовым.

Нечто подобное имело место в конце 50-х годов, когда после долгой официальной опалы власти (с "комсомольской" подачи) ради укрепления семьи принялись поощрять ношение обручальных колец. Давний обычай за короткий срок получил широчайшее, практически всеобщее распространение. Однако, как свидетельствует динамика числа разводов, укрепления института брака не получилось. Символический акт ношения колец отчасти имеет ограничительное личностное нравственное значение, но не более того.

Самый заметный и самый дискуссионный за последнее время пример символической трансформации связан с видимым возрождением религиозной жизни и церкви. К православию в конце 2000 г. причисляли себя около 50% опрошенных, к неверующим — 35%; данные о других конфессиях статистически непредставительны. (В 1991 г., когда восстановление церкви и церковности уже нача-

лось, соотношение этих групп было почти зеркально противоположным: 32% — православных и 61% — неверующих.) Вопрос в том, что реально означает в настоящее время декларация о своей конфессиональной принадлежности. Согласно одному из опросов 2000 г., из числа считающих себя православными только 42% утверждали, что твердо верят в существование Бога, 31% — что иногда ощущают такую веру, 18% — что верят не в личного Бога, а в некую высшую силу, 3% заявили, что не верят в Бога, еще 3% не знают, существует ли он. В то же время из числа считающих себя неверующими только 41% утверждают, что не верят в Бога, 16% не знают, существует ли он, 19% верят в высшую силу, 17% иногда, а 3% постоянно веруют в Бога. Грани между верой и неверием, как видим, сильно размыты, доля верующих в населении составляет около одной трети. Если же попытаться проверить по опросным данным состояние "обрядоверия", то оказывается, что из относящих себя к православным регулярно (раз в неделю) посещают церковь 3%, раз в месяц — 6%. Массового "обрядоверия" как будто не заметно. Наконец, в 1995 г. лишь 1% и в 2000 г. около 3% опрошенных (из православных 5%) полагали, что православие может быть идеей, которая сплотит общество.

Складывается ощущение, что наблюдаемое оживление религиозной жизни и заметный рост "воцерковления" граждан России в значительной мере является символическим феноменом. Как отмечено выше, само по себе обращение к символам веры и церкви имеет свое немаловажное социальное и социально-психологическое значение, но вряд ли свидетельствует о реальном религиозном возрождении*.

Три этапа советской символики. В символике советского периода представляет интерес смена наборов специально заявленных, демонстративных символов, как бы "значков" (изображений, ритмов, стилей и пр.) с переходом от революционно-мировых претензий к изоляционистским и державным. Но еще более важна фактическая, не всегда демонстрируемая переоценка или переосмысление "понятийных" символов времени. Так, термин "диктатура пролетариата" несколько десятилетий служил, с одной стороны, политическим символом традиционн-идеологической приверженности власти, а с другой — псевдонимом партноменклатурного господства (второе, конечно, было неизмеримо более важным). Аналогичные роли играли такие термины-символы, как "советская демократия", "поджигатели войны", "преимущества социализма" и пр. Оценивая значение подобных символических структур, неправомерно ограничиваться обличительными характеристиками ("фальшивые", "обманчивые", "лукавые"). "Фальшивых" социальных символов, если, допустим, относить к ним те, которые скрывают или искажают значение своих предметов, — несчетно множество. В социологическом плане существен механизм "работы" символических структур. Ведь дефинитивная функция символа — обозначать некий предмет — не единственная и даже часто не основная. Обращение к символическим конструкциям упрощает отношение человека к социальной реальности, избавляет его от самостоятельных усилий понимания, оценки и пр., используется как доказательство лояльности по отношению к какой-то традиции, идеологии, социальной группе или институту. На первом этапе, примерно до конца 20-х годов, доминировали понятийные, словесные, образительные символы революционно-международного содержания. Ни нэп, ни "социализм в одной стране" не изменили ситуации. "Модными" оставались символические облачения вчерашнего дня, т.е.

* См.: Дубин Б. Религиозная вера в России 90-х годов // Мониторинг общественного мнения... 1999. № 3.

символизация и словарь революционного перелома. В понятийном арсенале это "борьба классов", надежды на "мировую революцию", на войну между "империалистами" (даже на поднимавший голову фашизм как "канун пролетарской революции") и т.п. На уровне лозунгов — призывы к "пролетариям всех стран", "международной солидарности" с угнетенными и как будто готовыми восстать немцами, китайскими, индийскими и т.д. рабочими, "наш ответ Чемберлену" (шумная кампания в связи с разоблачением в Англии секретных инструкций Коминтерна) и т.п. На этом фоне призывы к овладению грамотой, хранению денег в сберкассе или к "американской деловитости" (кстати, выражение И.Сталина в 1924 г.) казались второстепенными. Эстетический стиль — плакат, призыв, брутальный стиль Малевича, Кандинского, довольно примитивный конструктивизм. "В наши дни писатель тот, кто напишет марш и лозунг" (В.Маяковский). Личный (предельно обезличенный) стиль — гимнастерки, френчи (у начальства), красные козынки, короткие стрижки. Еще почти нет орденов, бюрократы "в ручках все и значках нагрудных" (тоже В.Маяковский). Собственный стиль кино — "Броненосец Потемкин", формальная поэтика революционного противостояния. Идеологема — "ленинизм", в этих рамках — портреты, поэмы, мавзолей.

30-е годы — другой этап и другой символический ряд: понятийные символы — индустриализация, строительство социализма, борьба с внутренними врагами; международная солидарность, мировая революция, Коминтерн и т.п. уходят со сцены; история "классовой борьбы" (по М.Покровскому) превращается в отечественную, российскую, государственную; лозунги "догнать и перегнать", "пятилетка в четыре года", "не болтай"; рекламный журнал (редакторы — М.Горький и М.Кольцов) "СССР на стройке"; эстетика "победившего социализма" — "всех ярче сверкают улыбки", на плакатах все улыбаются, "и смотрит с улыбкою Сталин, советский простой человек" (заключительный куплет популярной песни); на портретах 1937 г. самый страшный человек года — Н.Ежов — так же ласково улыбается; суровый брутализм, конструктивизм, прочий "формализм" отвергнуты, поскольку не соответствуют духу времени и "непонятны массам"; формируется пропаганда успеха, стиль успеха (на деле — заемный "советский ампи́р", классика, Большой балет), демонстрация успеха — Всесоюзная сельхозвыставка; наличие реальных успехов не требуется, важны символы; массовая, бодрая, маршевая песня как феномен эпохи.

Со второй половины десятилетия "реабilitируется" семья (запрет абортов), а вместе с ней лирика личных радостей (впрочем, не лишенных производственной основы — "Свинарка и пастух" и пр.). Место "класса" как субъекта действия занимает человек. Не "средний", не "обычный", а специальным образом представленный, преимущественно в двух ипостасях — "руководитель" и "образцовый работник". В первом ряду — легендарные люди-киносимволы: Чапаев, Киров, "Максим". Во втором — отраслевые "передовики" и герои-летчики, герои-полярники. В официальной пропаганде того времени, как и массовом сознании тогда и донныне, стерлась разница между выдвинутыми "отобранными" (в том числе из людей достойных) и "назначенными" (в каждой отрасли требовался образец, причем только один). Вторых, между прочим, запомнили лучше: по одному из опросов 2001 г., А.Стаханова "хорошо знают" 61%, И.Мичурина — 66%, "челюскинцев" — 57%, О.Шмидта — 42%.

К концу 30-х годов утвердилась в символике эпохи еще одна ипостась человека — "врага", "изменника", "шпиона". С этим, кстати, связано и то, что больше всего из героев этого времени помнят легендарного доносчика Павлика

Морозова (81%). Конечно, как и всех других, его "помнят" через пропаганду.

Однако главным символом эпохи, разумеется, стал Вождь. В 20-е годы принято было говорить о "вождях" во множественном числе (ср. в иронических строках поэта "нам с тобою думать неча, за нас думаю вожди"). Позже, официально с начала 1934 г., символика политической верхушки — "вождь" и "соратники". Первый плакат с его изображением, работы В.Дени, 1929 г.: над заводскими трубами лицо человека с трубкой в зубах. К концу десятилетия, после невероятно пышного юбилея 1939 г. (в числе поздравлений — от нового союзника А.Гитлера), Сталин — уже "отец народов", "корифей науки" и т.д.; в ходу термин "сталинская эпоха". Другой идеологемы время не имело. Символические ссылки на "основоположников" имели смысл только через призму цитат из речей вождя.

Военное время существенных изменений в символы 30-х годов не внесло. Основные символические поля — "война и победа", "народ и вождь". Война трактуется как сугубо отечественная, вне мирового и антифашистского контекстов. Наиболее памятна сейчас героика самопожертвования (Н.Гастелло, А.Матросов, З.Космодемьянская, меньше знают жертв-разведчиков Р.Зорге, Н.Кузнецова). Патриотическая линия в истории, философии, литературе безусловно преобладает. Формируется представление о победе 1945 г. как главном символе национального исторического самосознания*. Тот же стиль — ампи́р, более пошлый и торжественный.

Первая попытка вырваться из заколдованного символического и не только символического круга самоизоляции в годы "оттепели" через своего рода "возвращение к истокам" — воспроизведение некоторых образов "революционной" романтики 20-х и начала 30-х годов. Доведенная до пределов нелепости эта струя привела к задаче "построить коммунизм" не позже 1980 г. Приоткрытая форточка во внешний мир: подглядеть, как "там", но не допустить чуждого влияния. Лозунг "догнать и перегнать", правда, преимущественно в ракетно-космической области (перенесение лозунга в производство молока, мяса, кукурузы имело скорее пародийный смысл). Лозунг международной "антиимпериалистической солидарности" — неудачная попытка прибавить "третий мир" к "соцлагерю" (уже неустойчивому после 1953 и 1956 гг.). Новая волна отобранных и назначенных передовиков ("маяков", ныне позабытых, сейчас две трети опрошенных не знают, кто такая В.Гаганова). Ампи́рный стиль отвергнут в пользу предельного утилитаризма ("пятиэтажки", они же "хрущобы" — самый массовый символ эпохи). Попытка "антисталинской" романтизации образов революции и Ленина (М.Шатров, Е.Евтушенко и др.). Державный сталинский культ заменен совершенно искусственным ленинским. Осторожное признание молодежного стиля, моды, джаза. Общий итог — старые символы расшатаны, новых нет.

Стабилизационная, лукаво-прагматическая эпоха брежневского "застоя" никаких собственных значимых символов не создала и не нуждалась в них, достаточно было ритуально-юбилейных заклиний, т.е. не символов каких-то действий, а "просто" знаков принадлежности к идеологической традиции. Основное орудие идеологического поворота 1964–1965 гг. — обращение к отработанной уже символической связке "война—победа", частичное оправдание сталинской военной стратегии, возвращение к торжествам 9 мая, чествования "маршалов победы". Идеологические проработки в основном в виде "точечных ударов" по отдельным нарушителям спокойствия. Подобная тактика

* См.: Гудков Л. Победа в войне: К социологии одного национального символа // Экономические и социальные перемены... 1997. № 5.

применялась "органами" и в отношении диссидентов. Основная символически значимая акция, определяющая характер всего долгого периода, — подавление "пражской весны" 1968 г. и диссидентского движения в стране.

Перестройка и позже: поиски собственной символики. Короткая эпоха горбачевской перестройки непрерывно меняла Собственное символическое "лицо": от "ускорения" и "трезвости" к отработанным лозунгам "революционной романтики" ("перестройка — продолжение Октябрьской революции", главный юбилейный слоган 1987 г., в унисон с ним новое дыхание антисталинских обличений), затем к "социализму с человеческим лицом" и далее — к "общеевропейскому дому" и "общечеловеческим ценностям". Последовательность этих символов скорее логическая, чем историческая, реально они почти сосуществовали друг с другом. Успешные при всех возможных оговорках, символические события эпохи — гласность, Первый съезд депутатов, падение берлинской стены. Символы поражений — кровавые акции 1989-1991 гг. от Тбилиси до Риги, провал путча и конец Союза ССР. Персонализированный символ эпохи — сам М.Горбачев, вознесенный на пьедестал массовых надежд в 1988-1989 гг. и сброшенный оттуда в 1990-1991 гг.

После освобождения от обязательного контроля прессы, литературы, искусства уже, видимо, нельзя связывать с политическим периодом какой-то определенный стиль. В перестроечные годы доминирует критика прошлого при несколько наивных ожиданиях от настоящего. Позже предметом критики с разных направлений становится "все" при все более благостных оценках старой, дореволюционной и допетровской России.

Символические "метки" правления Б.Ельцина — сочетание признаков демократии и державности, популистских обещаний и военно-политических авантур (Чечня...). Официальная символика (орлы, дворцы, церемониалы, церковные благословения и пр.) скорее псевдомонархическая, чем демократическая. Лозунги "обновления социализма" отвергнуты, вместо них — объявленный официально поиск "национальной идеи", который ничего не дал. Массовый же поиск (данные ряда опросов общественного мнения) постоянно выдвигал на первые места "законность и порядок" (реальный акцент, конечно, на первом слове) и "стабильность".

Новый политический период, начатый в конце 1999 г. и все еще не определившийся до конца, ищет уже не национальную идею, а государственные символы. (Что само является символом державности.) Наиболее шумной и поучительной оказалась, понятно, борьба вокруг музыки государственного гимна, точнее, вокруг предложения принять в таком качестве музыку А.Александрова, известную еще по "гимну партии большевиков" (1939 г.), гимну Советского Союза (1943 г., исполнявшемуся без слов после 1956 г., с новыми словами с 1977 г.), позже служившую мелодией гимна народно-патриотических сил, а также гимном российско-белорусского союза. Именно этот "ретроспективный" исторический контекст браваурной музыки сделал ее предметом острой критики со стороны демократов, видных интеллигентов и др.*, которые восприняли возвращение старого гимна как символический шаг к реабилитации тоталитарного режима. Драматические коллизии завершились полным и весьма поучительным поражением противников старо-новой мелодии, а точнее, поражением всей интеллигентской демократии в борьбе с властью предрержащими. Авторитет президента, циничный нажим аппаратных "технологов", покорность парламента, массовая апатия, восторженная поддержка реставраторов старого порядка сделали свое дело. Тем самым был отработан ме-

ханизм для следующего символически значимого шага — разгрома НТВ и ряда прочих "непослушных" СМИ. Действие разворачивалось примерно по тому же сценарию, правда, с помощью судебных механизмов, при неудачных попытках сопротивления со стороны тех же сил и при таком же всеобщем безразличии.

В годы президентства Б.Ельцина символической (квазиидеологической) осью режима было искусственно, иногда даже провокационно раздутое противостояние власти и поддерживавших ее демократов компартии. Прежде всего это был не конфликт идеологий или политических линий, а оппозиция символов прошлого и настоящего. Особую роль внутри этого символического конфликта играл незатухающий скандал вокруг мавзолея (в какой-то момент чуть не ставший предлогом для развязывания гражданской войны).

Хаотическим годам перемен новое правление (В.Путина) прежде всего попыталось (или было вынуждено) противопоставить лозунги "порядка", а тем самым — новую символическую ось "порядок—хаос". Символ привился, хотя порядка мало прибавилось. В последнее время на первый план как будто выдвинулась другая ось, "Россия—мир", по существу, — вопрос о символе перспективы страны. Если противостояние "власть—компартия" означало соотнесение символов настоящего и прошлого, то ось "Россия—мир" символизирует соотнесение настоящего с вариантами будущего. Волею обстоятельств, особенно после сентября 2001 г., власть (президент) оказалась перед необходимостью декларировать выбор "западного" варианта и перехода от конфронтации к новому союзу с США. Это далеко не поворот, пока — символ, который может либо стать знаком длительного и трудного поворота, либо остаться вынужденной декларацией.

Лев ГУДКОВ

"Тоталитаризм" как теоретическая рамка: попытки ревизии спорного понятия (окончание*)

Дальнейшая траектория теории тоталитаризма была похожа на судьбу каждой удачной теории в социальных науках: она была принята не только сообществом узких специалистов из сферы социально-политических дисциплин, но и исследователями в других областях, а затем вышла за рамки собственно науки — в публицистику, систему образования, стала элементом самосознания и культуры современных политических элит в демократических обществах. Как это всегда бывает при переходах от одной группы к другой, у концепции тоталитаризма менялись не только характер и контексты ее функционального использования, но и структура составляющих ее значений, интенциональные адресаты, а следовательно, и ее теоретический статус. Если первоначально это была предметная модель, синтезирующая социальные наблюдения и описания социальных институтов и массовых движений, то затем она стала эвристической или идеально-типической схемой интерпретации, направляющей внимание исследователей на определенный материал и задающей порядок его отбора, упорядочения. Далее концепция могла выступать в качестве теории, предоставляющей причинное или функциональное объяснение социально-исторического материала,

* Начало статьи см.: Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2001. № 5. С. 20-29.

* За Глинку! Сб. статей / Под ред. М.О.Чудаковой. М., 2000.